

Они были первыми.
(К 90-летию со дня рождения
Анны Петровны Соловьевой: 1923–2012 гг.)

Abstract:

Budagova L.N. *«They were the first ones». On the 90th anniversary of Anna Petrovna Solovyeva: 1923–2012.*

The article highlights the work of Anna Solovyeva, who was one of the first research fellows of the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR (later the Russian Academy of Science), problematic of her works, her participation in the promotion of Czech literature, and support, which she rendered to her Czech colleagues, who fell in disgrace in their home-country after the «Prague Spring» had been suppressed.

Ключевые слова: история чешской литературы, реализм, А.П. Соловьева, Ян Неруда, Й.Св. Махар, А. Сова, Й. Томан, Ф. Шпрамек, Я. Яначкова.

Соловьева Анна Петровна, Ася, Асенька, как называли этого светлого человека сослуживцы и друзья, – относится к первопроходцам послевоенной отечественной богемистики, к тем научным сотрудникам Института славяноведения, с которых начиналась в 1947 г. его деятельность.

Коренная москвичка, она родилась 20 июля 1923 г. в семье потомственных русских интеллигентов. Может быть, отсюда – ее добрый нрав, скромность, деликатность в общении с людьми, преданность делу, которому служишь. А дело это – исследование и популяризация чешской классики – спорилось у Анны Петровны с ее первых шагов в науке. Окончив в 1947 г. филологический факультет МГУ, она поступила в университетскую аспирантуру и, уложившись в отведенные на нее сроки, защитила в 1951 г. кандидатскую диссертацию на тему «Реализм ”Малостранских повестей” Яна Неруды». Поступив сразу же в наш Институт, она вскоре стала старшим научным сотрудником, а с 1956 г. по 1965 г. была членом редколлегии серийного издания «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР».

Во всех основополагающих трудах институтских литературоведов – плоды ее деятельного участия. Она – один из составителей трехтомной «Антологии чешской поэзии XIX-XX веков» (М., 1959; тираж каждого тома – 10 000 экз.), которая впервые представила русскоязычным читателям картину развития этой поэзии в смене литературных эпох, направлений, группировок, в становлении разных жанров, в творчестве поэтов, оставивших неизгладимый след не только в национальной, но и в европейской

культуре. «Антология...» содержала стихи В. Тама и А. Пухмайера – зачинателей чешской поэзии эпохи национального возрождения; произведения Ф.Л. Челаковского, К.Г. Махи, Я. Эрбена – представителей разных линий чешского романтизма; далее следовали основоположники чешского реализма и сатирических жанров – К. Гавличек-Боровский, Я. Неруда и др.; поэты рубежа веков и начала XX в. – Й.С. Махар, А. Сова, О. Бржезина, С.К. Нейман; их сменяли авторы, развернувшие свой талант в межвоенный период и после Второй мировой войны, – И. Волькер, В. Незвал, Я. Сейферт, В. Завада, В. Голана, Ф. Галас, Ф. Грубин и др. Примечателен состав не только чешских авторов, но и переводчиков их произведений, среди которых были А. Ахматова, Н. Асеев, С. Кирсанов, М. Павлова, М. Светлов, Д. Самойлов, Л. Мартынов, Б. Слуцкий, М. Зенкевич, В. Инбер, Л. Ошанин и др. Они составляли цвет русской советской поэзии. Большинство было обласкано режимом, но кто-то (А. Ахматова, М. Зенкевич) только возвращался в литературный процесс страны после официальных гонений и вынужден был подрабатывать переводами. Трехтомник 1959 г. был первой и единственной русской антологией чешской поэзии, если не считать книгу «Душа Чехии в словах и делах» (1931) К. Бальмонта, изданную чешской русисткой Данушей Кшицовой в Брно в 2001 г. тиражом в 100 экз.. До выхода трехтомника, подготовленного Л.С. Кишкиным, А.П. Соловьевой, С.А. Шерлаимовой и С.В. Никольским, написавшим для этого издания «Очерк развития чешской поэзии XIX–XX веков», русскоязычный читатель мог знакомиться с творчеством чешских поэтов, в основном, по антологии Н.В. Гербеля «Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей. СПб., 1871». Чешская поэзия там присутствовала наряду с творчеством разных народов, занимая совсем немного места, но главное, за пределами книги оставались самые продуктивные эпохи развития чешской и других славянских литератур. Завершая период своего национального возрождения, они преодолевают к концу XIX века отставания от западноевропейских и русской литератур, сравниваются с ними по степени дифференцированности литературного процесса, успешно и разнообразно реализуют свой творческий потенциал.

Молодая сотрудница пишет в соавторстве с С.В. Никольским главу «Чешская и словацкая культура в конце XVIII – первой половине XIX в.» для фундаментальной «Истории Чехословакии. Том I» (М., 1956), выступает автором обширной статьи «Чехия. Литература» для 2-го издания Большой Советской энциклопедии (Т. 47. М., 1957), многих рубрик в Краткой литературной энциклопедии (в 9 томах, М., 1962–1978) и других справочных изданий.

Анна Петровна Соловьева принимает самое деятельное участие в создании «Очерков истории чешской литературы XIX–XX вв.» (М., 1963). Ей принадлежат «Общий очерк» ко Второму разделу книги, в котором ана-

лизируется состояние чешской литературы 1850–1860-х годов, когда формируется и набирает силу реалистическое направление; ряд литературных портретов крупнейших чешских драматургов, прозаиков, поэтов XIX столетия – Йозефа Каэтана Тыла, Яна Неруды, Витезслава Галека, Петра Безруча. Она принимает участие и в написании «Истории словацкой литературы» (М., 1970), как автор главы о Йозефе Грегоре-Тайовском, мастере словацкой реалистической прозы и драматургии.

Специалист широкого кругозора, знаток чешской классики, Анна Петровна еще до работы над трехтомной антологией, предполагающей внимательное прочтение множества текстов, выделила из всего прочитанного Яна Неруду (1834–1891), прозаика и поэта, сатирика и лирика, крупнейшего чешского классика, оставившего неизгладимый след в чешской и мировой культуре, а еще – на Малой Стране, в живописном районе чешской столицы. До сих пор на узкой малоостранской улочке, сбегающей от Градчан к Карлову мосту, к Влтаве, сохраняется домик, где отец писателя, отставной солдат, занимавшийся мелкой торговлей, держал лавочку и жил со своей семьей. Только улочка эта, будто и не тронутая временем, сменила свое имя и зовется теперь в честь сына лавочника Нерудовой. Ее не минует, наверное, ни один турист, она входит в самые популярные маршруты по Праге.

Не знаю, бывал ли в Праге и бродил ли по этой улочке знаменитый чилийский поэт Нефтали Рикардо Рейес Басуальто (1904–1973), стоял ли он перед домиком с романтическим названием «У двух солнц» и с мемориальной доской в память славянского собрата по перу. Но известно, что он взял себе псевдоним Пабло Неруда в честь Яна Неруды, по-своему увековечив имя чешского классика. И сделал это очень рано, еще в начале 1920-х годов. Трудно сказать, как пришел молодой чилиец к чешскому поэту. Но в том, как пришел к Я. Неруде русский читатель второй половины XX в., нет загадок. Посредницей между ним и нами стала Анна Петровна Соловьева, ее творческое увлечение. Сделав «Малоостранские повести» Яна Неруды темой своей диссертации, работая над главой о нем для «Очерков истории чешской литературы...», Анна Петровна не забывала и о тех, кто предпочитает знакомиться с творчеством писателя непосредственно. В 1959 г. выходит подготовленный А.П. Соловьевой двухтомник «Избранного» Яна Неруды, тепло встреченный в ЧССР. Популяризация Я. Неруды успешно сочетается с углубленными исследованиями специфики и роли его творчества в чешской литературе. Их итогом становится монография «Ян Неруда и утверждение реализма в чешской литературе» (М., 1973), переведенная на чешский язык и изданная в Праге в 1982 г.

Помимо истории чешской литературы А.П. Соловьева исследует литературные связи, как важный фактор развития изящной словесности любого народа. Первой работой на эту тему была написанная в соавторстве с

С.В. Никольским статья «Н.В. Гоголь и становление реализма в чешской литературе», опубликованная в 1952 г. в «Кратких сообщениях Института славяноведения» (выпуск 8). Затем последовала статья «И.С. Тургенев и чешско-русские литературные связи 60–80-х гг. XIX в.» для сборника «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII – начало XX в.)» (М., 1968). Здесь напрашивается частный вопрос – не любовь ли родителей Анны Петровны к И.С. Тургеневу закрепила в качестве уменьшительного имени их дочери не распространенное «Аня», а имя героини тургеневской повести «Ася»?

Но вернемся к науке. Нет необходимости перечислять все статьи по контактным и типологическим связям, написанные Анной Петровной. Их перечень приведен в библиографическом словаре «Сотрудники Института славяноведения Российской Академии наук» (М., 2012). Однако отметим, что А.П. Соловьева вновь возвращается к Гоголю, расширяя, по сравнению с вышеупомянутой первой статьёй, материал и исследуя его влияния уже не только на чешскую, но и на другие славянские литературы (см. статью в соавторстве с Р.Ф. Дорониной «Гоголь и развитие реализма в литературах южных и западных славян», в коллективном труде Института мировой литературы «Гоголь и мировая литература». М., 1988). Кроме того, обращаясь к сравнительно-историческим исследованиям, А.П. Соловьева поднимает более общие, в том числе теоретические вопросы, показывает функцию литературных связей в смене и формировании художественных направлений (см. статью «Литературные связи и становление реализма» в сборнике «Литературные связи и литературный процесс: из опыта славянских литератур». М., 1986. и др.).

Признанный специалист по литературе XIX в., Анна Петровна постепенно переходит к проблематике литературы рубежа XIX–XX вв., включая в сферу исследований новый материал и новые проблемы (см. ее статьи «Константин Бальмонт и чешская поэзия конца XIX – начала XX века» // На рубеже веков. Материалы конференции, посвященной памяти Е.И. Рябовой и В.В. Витт. М., 1989; «Проза поэта [Ф. Шрамека]» // Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы первой трети XX века. Художественные поиски. Особенности развития. М., 1989 и др.). И не случайно, именно Анна Петровна становится составителем, автором предисловия и комментариев мини-антологии чешской поэзии рубежа двух веков, впервые – относительно широко (вопреки своему небольшому формату) – представившей русскому читателю творчество четырех первоклассных поэтов: Й.Св. Махара (1864–1942), А. Совы (1864–1928), К. Томана (1877–1946), Ф. Шрамека (1877–1952). Антология была издана в Москве в 1982 г. При некотором акцентировании антибуржуазных настроений чешских поэтов (не придуманных, а объективно им присущих), которое кем-то могло

восприниматься как дань советской эпохе, эту антологию (к сожалению, она не попала в вышеупомянутый библиографический словарь сотрудников ИнСлава) можно считать украшением научно-популярных изданий отечественной богемистики. В ней все гармонично, начиная с нетривиальных названий книги и предисловия к ней и завершая емкими информативными комментариями. Составитель дала всей книге название последнего прижизненного сборника стихов Ф. Шрамека «Раны и розы» (1945), воплотившего и горести военных лет, когда в оккупированной Гитлером Чехии был развязан фашистский террор, и радость освобождения. Вынеся в заглавие антологии образы Шрамека, Анна Петровка расширила их смысл, вмести в «раны и розы» перепады, чересполосицу и зафиксированного поэтами времени, и жизни как таковой. Автору предисловия прекрасно удалось лаконичные и выразительные характеристики каждого из четырех поэтов, их творческие портреты, набросанные скупыми штрихами в начале текста: «Йозеф Сватоплук Махар – ироничный, сдержанный, свободный от всяких иллюзий, мастер точного поэтического слова и классического стиха. Антонин Сова – мечтатель, грезивший о царстве свободы и равенства, сумевший передать тончайшие оттенки душевных настроений, этот, по словам Ю. Фучика, Иоанн Креститель чешской поэзии XX века. Карел Томан – трепетный лирик и мятежник, готовый обнять всех «бродяг мира», как братьев. Франия Шрадек – смелый бунтарь и антимилитарист, опиравшийся на народно-песенное творчество». Но выразив и подтвердив материалами антологии особенности каждого из поэтов, Анна Петровна выделила и связующую линию представленных в ней произведений – тот объединяющий разные индивидуальности лирический настрой, который так или иначе, с разной мерой открытости и с разной эмоциональной окраской проявлялся у поэтов не только в стихах на канонические для лирики темы, но в мироощущении, в восприятии бытия. Поэтому своей вступительной статье Анна Петровна дала весьма подходящее для этого название сборника А. Сова 1907 г. – «Лирика любви и жизни». В этой формулировке к тому же проступала и одна из характерных черт чешской литературы рубежа веков, переходившей от национального самоутверждения к самоутверждению личности, индивидуальности в искусстве, что проявлялось в активизации лирического субъекта, субъективно-лирического начала в творчестве.

По приведенной выше цитате можно составить представление о выразительной и строгой манере письма Анны Петровны, где все просто и ясно, без стилистических изысков и элементов «птичьего языка», которыми иногда злоупотребляют филологи.

В Чехословакии, а потом и в обеих республиках высоко ценили (и ценят!) Анну Петровну как первоклассного специалиста и человека большой души. Это подтверждается и переводами ее книги о Неруде и ряда статей на чешский язык, и сугубо положительными откликами на ее труды, и нигде не

зафиксированными приветами «Анечке», которые передавали ей коллеги из Института чешской литературы через командировочных из Москвы, даже когда Анна Петровна ушла на пенсию. Наиболее многочисленными и сердечными были приветы и небольшие посылочки из Праги от профессора Ярославы Яначковой (см. о ней: Будагова Л.Н. «Юбилей Ярославы Яначковой» // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 125–129). Анна Петровна, Апи́чка, оставалась верным другом и поддержкой ее семьи в трудный период «нормализации», наступивший после подавления «Пражской весны». Непонятно, по каким причинам семья Франтишека Яначека, известного историка, учившегося в студенческие годы в Ленинграде, и его супруги, университетского профессора, одного из крупнейших специалистов по поэтике чешской прозы XIX в., по творчеству Б. Немцовой, А. Ирасека, Я. Неруды, А. Арбеса и др., оказалась в немилости у властей. Глава семьи был лишен права заниматься своей профессией, его жена попала также в число изгоев. Их дети, Зора и Павел, несмотря на свои гуманитарные наклонности, были лишены возможности получить соответствующее образование. (Ирония судьбы, точнее – торжество справедливости: дочь Зора проявила себя в постсоциалистический период талантливым прозаиком, сын Павел в 2010 г. был избран директором Института чешской литературы Академии Наук ЧР, которому удастся успешно удерживать его на плаву в трудное для науки время). Но вернемся к героине нашего очерка. Пренебрегая незавидным положением друзей в период «нормализации», Анна Петровна не прервала с ними связей (а случилось и такое). Не думая, как бы чего не вышло, она поддерживала Ярославу и Франтишка, переписывалась с ними, непременно навещала их во время командировок в Чехию. Такое не забывается. Неслучайно, что именно профессор Я. Яначкова откликнулась сердечной статьей в журнале «Чешская литература» на 80-летие Анны Петровны Соловьевой, воздав должное высоким профессиональным и душевным качествам своей соратницы и подруги. В продолжавшейся переписке пани Ярослава приглашала ее в Прагу, просила переслать в Музей чешской словесности письма П. Безруча, что Анна Петровна и сделала. Но в Прагу она уже не ездила, как не ездила в Москву и вообще никуда и Я. Яначкова, намеренно не продлевавшая свой загранпаспорт после кончины в 1995 г. супруга, сумевшего с возвращением к научной деятельности совершить подвиг защиты доброго имени Юлиуса Фучика, подвергавшегося травле за свои убеждения.

А.П. Соловьева ушла из Института на пенсию гораздо раньше, чем многие ее сверстники. Сказались не только желание потрафить мужу, уговаривавшему ее уйти с работы и спокойно пожить «на старости лет», но и обстановка в среде литературоведов, несправедливые придирки к ее работам со стороны «ястребов» (а такие птицы порой заводятся и в научных гнез-

дах). Мишенью для нападок была не одна Анна Петровна («Вас нельзя задушить», — говорил автору этих строк тогдашний директор Института Д.Ф. Марков, признавая такие поползновения). Но Анна Петровна защитит себя не смогла. Это оказалось не под силу ни руководству, ни коллективу Сектора славянских литератур, где она работала. На пенсию ценного и полного творческих сил работника никто не отправлял. Но на переаттестации, прошедшей в 1986 г., ее понизили в должности, переведя из старшего в научные сотрудники. Анна Петровна приняла это стоически, не озлобилась, продолжала работать, участвовать в коллективных трудах, но в Институте, в результате, не задержалась, покинула его стены через два года. Мы продолжали поддерживать с Анной Петровной связь, перезванивались, порой навещали. Летом 1990 г. пришли к ней проводить в последний путь ее мужа, Адриана, похожего на свою вторую половину благородством и добрым нравом. К сожалению, судьба отвела ему всего два года, чтобы наконец-то спокойно пожить со своей свободной от профессиональных заморочек женой.

Примечательно и характерно для Анны Петровны, представительницы научной интеллигенции, что и на пенсии она не превратилась в домашнюю хозяйку и жила не одними мелкими житейскими заботами (а куда нам без них?), но и высокими духовными интересами. Перебираясь на лето в деревню, расположенную в живописном Поречье, недалеко от хорошо сохранившейся усадьбы (с неперменным тенистым парком) графов Уваровых, она занималась не только садом-огородом, но и просвещением селян: выступала с беседами и лекциями в местной библиотеке, прекрасно укомплектованной — с помощью, кстати, фонда Д. Сороса — периодикой. Может быть, благодаря регулярным наездам в деревню и проведенному там времени, Сашенька, дочь Аси и Адриана, выросла не филологом или технарем, а биологом, окончила Тимирязевскую академию. Я всего несколько раз видела ее, но из рассказов людей, хорошо ее знавших, сложилось впечатление, что она выросла преданной своему делу подвижницей, предпочитавшей хорошо оплачиваемой работе занятия по душе, например, с детьми в кружках юнатов.

Мне посчастливилось быть аспиранткой Анны Петровны Соловьевой, (по-моему, единственной в ее биографии), объектом ее почти материнской заботы. Она распространялась не только на мои аспирантские дела — сдачу кандидатского минимума, работу над диссертацией, куски которой я регулярно приносила своей научной руководительнице и получала вместе с замечаниями обратно, но, пожалуй, и на другие стороны моей жизни. Со многими своими тревогами (не увидела, к примеру, себя в списках авторов «Очерков истории чешской литературы», — как оказалось, по чьему-то недосмотру) бежала «плакаться в жилетку» Анне Петровне. Она умела утешить, подбодрить, внушить уверенность в свои силы. Умела и отвлечь от чрезмерной погруженности в науку, пригласив, например, к себе домой

«навести красоту» с помощью знакомого цирюльника — мастера входившей в моду перманентной завивки. Поистине, ничто человеческое нам не было чуждо. А жила она в ту пору в одной квартире не только со своим супругом (что вполне естественно!), но и с четырьмя его сестрами (что естественным не назовешь), дружно обожавшими свою невестку.

Была с ее стороны и серьезная поддержка в тяжелое время. Когда 12 марта 1966 г. в своем кабинете Института биохимии, за письменным столом, в возрасте 59 лет неожиданно умер мой отец, никогда ни на что не жаловавшийся, самые сердечные соболезнования я получила в письмах от университетской преподавательницы Раисы Романовны Кузнецовой и от Анны Петровны Соловьевой. И это не забывается. Позже Анна Петровна вспоминала, как в пору моей аспирантской юности она однажды вместе с чехословацкой делегацией была на приеме в президиуме Академии наук, где познакомилась и разговорилась с моим отцом. Тот поинтересовался, откуда она так хорошо знает чешский язык и где работает. «В Институте славяноведения», — был ответ. «Там учится в аспирантуре моя дочь, не знаете ли вы ее?» — спросил собеседник. «Очень хорошо знаю, я ее научный руководитель», — сообщила Анна Петровна. Папа мой искренно удивился и восхитился, добавив галантно: «Такая молодая, а уже научный руководитель!» Он мне об этом не рассказывал, наверное, из-за перегруженности делами и заботами...

Анна Петровна Соловьева ушла из жизни 11 октября 2012 г., совсем немного не дожив до своего девяностолетия. Но и уйдя, она осталась с нами.